

18+

«Над Питерскими улочками»

Валерий Грушницкий

Валерий Александрович Грушницкий

Над питерскими улочками

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53660238

ISBN 9785449864291

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Петербург – город тайн и чудес. Здесь бывают только те люди, которые готовы на всё ради любви. Именно этот город породил спор двух птиц, про которых и пойдёт речь в этой книге.

Содержание

Предисловие	5
Рассказы Невской Птички с Невского Проспекта	8
Объятия Пьеро	8
I	10
II	13
III	15
IV	17
V	20
VI	22
VII	24
Эпилог	25
Парикмахерская Мидори	27
I	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Над питерскими улочками

Валерий Александрович Грушницкий

Дизайнер обложки Лиана Костромитина

Иллюстратор Евгения Юсупова

Иллюстратор Поля Флер

© Валерий Александрович Грушницкий, 2020

© Лиана Костромитина, дизайн обложки, 2020

© Евгения Юсупова, иллюстрации, 2020

© Поля Флер, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-6429-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Вот он. Санкт-Петербург. Этот город разве можно описать какими-либо имеющимися в данный момент в вашем словарном запасе словами? Сомневаюсь. Город этот велик, безусловно. Везде тут стоят памятники архитектуры и прочие великие постройки, что молодёжь называет "безвкусицей". Ну, хотя, что с них взять? Люди тут разные – красивые и некрасивые, белые и чёрные, с очками и без очков. Все они обожают Петроград и лишь ждут подходящего момента, чтобы ещё раз восславить его мощь. А славить есть за что. Проходя по этим бездонным улочкам, сам задумаешься поневоле: "А не рыба ли я? А если рыба, то какая?" Конечно! Как же в городе наводнений не завестись такой предприимчивой рыбёхе? Если сам Санкт-Петербург это позволяет, то, значит, это вседозволенно. Но есть в Петербурге место, о котором знает любой человек. Знает даже тот человек, который ни разу там не был. А знает он это место по тексту самого величайшего писателя всех времён и народов – Николая Васильевича Гоголя. Безусловно, вы уже поняли, что это за место. Место это называют Невским проспектом. Да, это – та самая вена Петербурга! Здесь ошиваются все интеллигенты, понаехавшие в Питер и родившиеся здесь. Их можно сколь угодно ненавидеть, но можно подметить, что если смотреть на петербургских девушек, а именно с зелёными волосами,

то с таких женских черт я бы сам иконы писал. Просто этот цвет символизирует жизнь, а жизнь как нигде нужна именно в этом городе. Он её более всех заслужил. И Нева не нужна Петербургу, раз есть в нём этот прекраснейший Невский, который её, можно сказать, заменил. А главная достопримечательность Невского – его жильцы. Жить тут всегда любили мелкие пташки. Именно мелкие, потому что большие селились на Сенатской или Адмиралтейской площади. О двух таких птицах я сейчас и поведаю. Были два закоренелых спорщика – Невская Птичка с Невского проспекта и Воробей-Пирумист с памятника Гоголю. Она – красивая, разноцветная птица. До того она была красива, что и "породы" её определить не могли. Он же – обычный воробей, который выделиться захотел, напёрсток на голову себе навесил, а на подобие шейки нацепил шнурок. Так он у модников подсмотрел. На Невском много птиц было, а она – Птичка, потому что умнее всех была, поэтому из зависти начали её возраст уменьшать, чтоб подумали, мол, глупая. А на Невском она одна такая была, потому и прозвали Невской Птичкой с Невского проспекта. Воробей тоже уникален был. Он, в отличие от Птички, читать умел и про тот самый Невский как раз от Гоголя узнал. В ту же ночь он нашёл его. Так на плече и поселился, отгоняет всех остальных, разве что с Невской Птичкой может почирикать. А вот Пирумистом он сам себя назвал. Я уж и не знаю, откуда он слово этакое выдумал, но он хвалился что он такой Воробей-Пирумист с памятника Гоголю.

А познакомились они, когда вместе пышки крали из пышечной напротив квартиры Достоевского. Вылетели они с тарелкой с тремя пышками в пудре, принялись клевать. Как доклевали все по одной пышке, нужно было третью поделить. Каждый за неё боролся, но безуспешно. И тогда решили птицы поспорить, кто лучше историю расскажет или стих споёт, тот, мол, пышку и получит. Невская Птичка с Невского проспекта любила подслушивать всякие рассказы и истории у людей под окнами. Память у неё хорошая до жути была – что ни скажешь, то запомнит, но подругам своим никогда не передавала – лишь с Воробьём делилась. А Воробей сам свои "Чириканья" представить решил. Он услышал, как песни возле его памятника поют, так ему это понравилось, что он сам решил песни сочинять. Но так как инструментов у него не было, то приходилось просто стихи петь и коготками щёлкать в такт. И начала первая рассказывать Невская Птичка с Невского проспекта свои рассказы, а потом уж и Воробей-Пирумист с памятника Гоголю распетушился и все свои "Чириканья" разом выдал.

Рассказы Невской Птички с Невского Проспекта

Объятия Пьеро

Обложка от Поли Флер

Саше Холодовой, которая мне показала, что в мире ещё
есть место для чистой и непорочной дружбы.

голубая комната в самом обычном окне

заперта от холодов

я сам её запер и запер извне

надеюсь что всё хорошо

рита цвейг

I

Театр. Как же долго я его не видел! С тех пор, как этот самый Буратино открыл его, его посещало очень мало людей. В основном, дети из небогатых семей, что очень сказывалось на бюджете. Спустя года лишь осознаёшь всю безысходность положения ребёнка в этой системе, что тебя и за актёра не считает. Ты лишь стараешься, надрываешься, а взамен – ничего! Ни оваций, ни аплодисментов! Всё это словно отобрали у меня, у бедного Пьеро. Когда я работал в театре с Буратино, мне было около лет пяти. Теперь же я никому стал не нужен. Театр сам по себе лицемерен. Ты не сможешь заработать на нём, лишь получишь горькие страдания и обиды, просачивающиеся сквозь нарисованную на лице чёрную слезу. Невозможно глупо верить в такой идиотизм! А я был таким! Малолетним глупцом, которого завлекли в театр обманом. Мне нравилось играть. Только в игре я мог выразить свои чувства к ней... к Мальвине... Это имя... Такие ощущения мгновенно приходят. Я хотел любить, другим же моя любовь была ни к чему. В том числе и ей. Это была словно игра в шахматы. Ты сражаешься с равными, но из-за того, кто сделал первый ход, решается исход всей игры. А потом находишь её в постели с каким-то деревянным плебеем и понимаешь, что всё это было зря. Всё зря! Ты стараешься, мечтаешь, ходишь к ней, добиваешься её, поёшь серенады в лицо.

Но ты ей не нужен. Ей нужен тот, кто сможет быть с ней груб. Ведь привыкла эта душа слушать комплименты в свою сторону: про свои хрустальные зубки, про белоснежную улыбку, про кукольное личико. Всё это было говорено и не раз. Но разве будет кто-то слушать бедного юного Пьеро, который изливает душу всему людскому народу? Твои мысли ничего без внутреннего стержня... И это печалит. Более странной вещи я не слышал. Просидев на сцене уже несколько лет, даже возвышаясь на этом куске дерева, говорю от всего своего поэтического сердца, что не могу я так! Я мог бы быть кому-то нужным, но меня все отвергли. Отвергли друзья, отвергли враги, и теперь я один на всём этом белом свете. Но я пока не опустился до прошения милостыни. Но это – вопрос времени. Лишь до поры до времени будет продолжаться та беззаботная пора, в объятия которой я так рвусь. Но принятия нет и не будет. Прощения нет, ибо я уже слишком долго ношу эту маску. Маску гробового молчания и громогласного плача. Вот и рассвет освещает обломки этого театра. Я здесь часто сижу. Сижу и наблюдаю. Ищу какие-нибудь знакомые лица. Но нет. Все они мне незнакомы. И даже увидев очертания той самой голубоволосой головы, того деревянного носа, того чёрного хвоста, виляющего из стороны в сторону, я буду всё так же молча курить. Курение немного, но всё же помогает забыться. Помнить всех их больно. Они меня бросили, а я должен хранить воспоминания о нашей с ними дружбе. Для революции ещё рано, поэтому подождём. Ждать оста-

лось недолго. Собрал все свои силы в кулак, выбрасываю сигарету на серый кирпич. Дым идёт и уже превращается в облака, летящие над моей головой. Мне кажется, будто я уж засыпаю, предо мной проплывают останки моего любимого итальянского театра...

II

*нѐс слизал слѣзы
нѐс укутал собой
пса не было это грѣзы
я плачу и я пустой*

рита цвейг

Проходя по этим заброшенным итальянским улицам, замечаю лишь полное отсутствие чувств. Когда-то я любил. Или сейчас тоже люблю? Похоже, что нет. Но это было. Я дико извиняюсь, но мне придётся излить свои чувства. Я с детства любил эти выющиеся голубые волосы. Мальвина. Как много в этом слове! Как много грусти и веселья! Красота и милота сочетались в этих чертах. Но она выбрала не меня. Теперь же она – актриса. Но она больше любит эскорт. Так ей легче и проще. Здесь нет эмоций – одно сплошное телодвижение. Как кукла, она не обладала какими-то особыми задатками, лишь внешностью, которая заставляла забывать обо всём остальном. Но в детстве это позволяло её любить. Пускай, мы все были куклами, но осталась куклой лишь одна Мальвина. Мы все эволюционировали, а она будто остановилась в развитии. Но это даже, можно сказать, пошло ей на пользу. Хоть кто-то из нас не изменился. Время всех нас

безвозвратно швыряет из стороны в сторону. Тем самым, мы уж никогда не вернёмся сюда. Мы выходим отсюда, забывая тех, с кем шли с самого начала.

III

*у меня на лице улыбка
бегу от всех от себя
у тебя на лице ухмылка
ведь догнал и стоишь в дверях*

рита цвейг

Проваливаюсь я в эти бездонные итальянские улочки. Так было всегда. С самого начала моей карьеры в этом театре. Прогуливаясь, ты мог совершенно забыться, полностью улететь в свой собственный мир. Мир этот будет начинён людьми, которые смогут тебя полюбить. Хоть где-то они будут. Я с детства замечал эту особенность итальянских улочек. Словно, никто другой этого не видел, а все просто проходили, не задумывались, не придавали значения своим потайным мыслям. Их будто и вовсе не было, этих самых мыслей. Люди мне тогда казались просто странными, а сейчас я понимаю, что они просто-напросто пусты, как бочка бывает пуста, когда хлебнёшь из неё бокалов двадцать отборного хмельного напитка. Только благодаря нему и живёшь. Спиваться я начал не так уж и давно. Лишь с тех пор, как театр закрылся. Тогда и вся жизнь потеряла свой первоначальный смысл. Ты хотел вершить своё дело, а на твои просьбы тебе

ответили моментальным отказом. Так, в принципе, происходило зачастую. А как же иначе, коли целый мир уж не готов принять артиста? Артист должен страдать. Не важно, какой он сам по себе артист. Важно то, что он – артист. Этот факт уже делает из него козла отпущения. Так вот и живём. Театр уже переходит из сцен на улицы наших городов. Может, поэтому, в них и тонешь? Теория интересная, по этому поводу можно было бы даже подискутировать, но мне уже виднеется этот знакомый дом. Вывески виднеются издалека. Глаза разбегаются, взгляд расплывается в пучине света. Здание с безчисленным количеством этажей возвышается над этой пустынной бесконечностью улиц, опутывающих своды Италии. Это – дом, в котором живёт Мальвина. По крайней мере, проживает. Снимает квартиру, пускает всяких людей, которые выходят после такими же серыми мрачными, но теперь уже в их каменных лицах есть налёт какого-то мимолётного счастья. Я уже знаю, чем она занимается, но хочется убедиться в этом. Есть ещё маленькая надежда на спасение. Мне хочется верить, что она ещё чиста внутри. Пускай, и верится с трудом.

IV

*из окна в петлю
я говорил много раз
что долго ждать
не люблю.*

рита цвейг

Я поднимаюсь по лестнице. По этим ступенькам отбивается ритм от каждого толчка, от каждого самого мельчайшего отзвука тени. Такие они, итальянские лестницы. Этаж за этажом, квартира за квартирой. Боже мой, как тут всего много! Но скучно до остервенения! Шаг за шагом под моими туфлями, загрязнёнными от пылевого налёта, исчезает частичка и меня самого. Появляется чувство, будто я... пропадаю. Пропадаю в пучине этого мраморного творения скульптора. Пропадаю! Но вот и то, что мне надо! Квартира. Так трудно отпереть... Серебро красуется в моей руке. Это ручка. И так трудно лишь повернуть её немного. Руки дрожат, а поджилки стонут в неистовом ожидании. Что же будет дальше? Терпение и смирение. Не могу открыть! Не могу сделать простого человеческого телодвижения! Слабак! Я же могу это сделать! Отчего тогда не делаю? Я не слаб и не глуп! Вот. Свет. Её лицо. Такое прежнее и родное. Эти голубые выющи-

еся кудрявые волосы, проплывающие в глазах, словно Нева, уже любимы мной. А эта улыбочка! Милая-премилая! Похоже, она меня узнала. Я уж и не думаю, про что она говорит, лишь думаю о ней. Про былое уже даже и стыдно вспоминать. А вот одежда уже не та. Нет шика и блеска, появилась какая-то напыщенная беднота. Бедность эта её и портит страшно. Не та уже Мальвина. Если присмотришься, то, может, и зубки не те? Те, просто я уже изменился. Из маленького ребёнка мне суждено было превратиться в маленького меланхолика. Так невозможно уже смотреть на её лицо. Мне кажется, я что-то прошептал, а после – бежал, как только умел бежать. Двери! Быстрее бы открыть! Толчок. Почему-то становится так резко холодно и страшно. Дождь. Не помню, когда он в последний раз шёл здесь. Грим! Нет! Как я без него? Он стекает, покрывая собой весь мой белый костюм с нелепыми рукавами, так и норовившими зацепиться за какую-нибудь этакую пакость. Они освобождают то, чего не должны были бы видеть обычные люди. Вот оно, моё лицо. Всё в подтёках от белой краски, оно напоминает авангардистскую авантюру. Но это уже не по-человечески. Я должен был быть определён раз и навсегда! Но не это меня терзает. Вот и думаешь, стоя под дождём, каково это – быть нелюбимым? Ведь как это? Каждому нужно быть любимым. А мне вот хочется любить – и не любится. Я страдаю от неразделённой любви, но сам не люблю. Я во всём этом так запутался. Ведь, если не любить, то как? Как быть одно-

му? Хочется отдохнуть, да, но ведь всегда найдётся тот цветочек, на который бы захотелось тебе прилететь. А если любить, то как? Отдавать себя? А для себя же – что? Всё так запутанно. И ведь нельзя, чтобы было всё равно. Ведь нельзя?

V

*новые синяки появляются
мои слёзы бегут и бегут
ты меня всегда еле-еле касаешься
но дело в том что слова тоже бьют*

рита цвейг

Вот уже без грима иду я по этим мокрым итальянским улочкам. Раньше они такими не были. Да и всё было другим. Смотришь на эту безмозглую кошачью морду и сразу понимаешь – Базилио. Других таких жирномордых я и не видел в помине. Шерсть уже не вьётся, а жирнится и превращается в бесформенную массу, собравшуюся в комки из грязи и пыли. Глаза при отблесках луны не блестят, иа должны бы. Когти этого бывалого чудища давно сточены камнями отжившего прошлого. Милостыни просит бездомное существо. И как же не дашь, коли просят? Да денег в театральном костюме я не привык носить – карманов в нём нет. Пламя уж угасло в моей душе, поэтому иду, жадно ища в дороге хоть что-то значимое, хоть что-то важное. Птица пролетела. Вроде голубя. Как же тебе хорошо, голубь! Летишь, а свобода сама просится к тебе в распростёртые от ветра крылья. И, пускай, холодно! Тепло греет сердце. Хоть что-то его те-

перь греет. Теперь уж главное – до дома дойти, а дальше – как пойдёт. Главное – идти и не останавливаться. Остановка здесь может тебе многого стоить. Жизни например. Хотя, зачем, впрочем, жизнь? В большинстве своём мы проживаем её ради удовлетворения своих типичных потребностей. Надо же жить для других. Так для меня даже хуже бывает. Вот слепой. Его все видят, а он никого не может видеть. Не так уж это и страшно. А вот, когда любишь один-одинёшенек, а тебя никто не любит – вот это уже страшно. Каждому нужно быть любимым, ибо как иначе? Иначе уже – крах.

VI

*спирт – это растворитель
твоя душа в нём беззаботно топится
от звания «победитель»*

недалеко

ведь всё скоро закончится

рита цвейг

Опять этот дом. Глупый, странный, скошенный – так я его видел, да и до сих пор вижу. После раскола театра пришлось где-то снимать квартиру, ибо кроме театра у меня жилья не было. Остальные тоже разбрелись кто куда. Еды тут бывает очень мало. Настолько мало, что я исхудал до таких «широт», что тону теперь в своём костюме. Я уж и не припомню, носил ли я какую-нибудь другую одежду, кроме этого балахона, покрывающего твою исхудавшую тончайшую тушу до самых пят. До сих пор не припоминаю. А за окном опять дождь. Не к добру это – редко тут бывают такие долгие ливни, такие холодные ливни. Дрожь не проходит по всему телу, а оседает в поджилках, остаётся там до осознания всего произошедшего. Так и проходит день последней выжившей куклы. Остальные померли от страха и грубости. Смотришь на эти пропитые рожи, ужасаешься тому, как просто их

всех обмануть. Пить так просто. Так просто забыться в своих мыслях, плохих или хороших! Ведь так просто не искать решения проблемы, а избавиться от неё таким способом. Так просто. Но за простоту есть своя цена – они глупеют, словно курицы, живущие на скотном дворе. Сами они об этом не беспокоятся, а мне страшно. Мне страшно жить рядом со скотом, способным на убийство. И ведь они об этом не задумываются! Безмозглые твари. Отцепиться от этой заразы они уже не в силах. Я и не знаю, что теперь делать. Бежать – страшно, оставаться – глупо, а больше вариантов я и не предполагаю. Словно тюрьма, а не дом. Ибо только в тюрьме приходят мысли о... выходе отсюда. Путь к этой цели сложен, но я могу и постараться, правда. Только нужно выбрать что-то конкретное. Может, выстрел в голову? Или повешенье? Всё-таки выстрел в голову безболезненнее. Уже даже дышать здесь тошно. Воздух пропах пылью, а теперь и мокрой грязью, заполонившей зловонные клоаки городов.

VII

*редкие «как дела?» под утро
дороже мне всего
хоть и сияет всё перламутром
помни всех помни их помни всё*

рита цвейг

Холодно. Я уж и не выхожу теперь из комнаты. Еды нет, а та, что есть, уже давным-давно испортилась. Одежды раскиданы везде – нет никакого порядка. Лишь гроза мелком отдаётся лязгом сабли за окном. Стоит запах того самого вина, которое добываешь не ради наслаждения и услады вкуса, а ради самого факта испития вина. И вообще лучше спать, а не пить. Так скучно жить в этом убожеском мире. Пойду спать.

Эпилог

*я тону в этих улицах
тяни руку и давай ко мне
свет на твоих ресницах
так идёт тебе*

рита цвейг

В Санкт-Петербурге в одном из жилых домов был найден труп самоубийцы в костюме чёрно-белого арлекина. На лице был нанесён грим с чёрной слезой под правым глазом, а брови были сильно подведены. В квартире было найдено множество киноплёнок, дисков с экранизациями произведения «Буратино». На стенах висели плакаты с изображениями одного из главных героев этой сказки – Пьеро. На ноутбуке было сохранено множество фото, на которых были запечатлены моменты убийства и расчленения людей в синих париках. Погибший подозревается в совершении частотных убийств лиц женского пола, подтверждение чего было найдено на компьютере. Личность самоубийцы нельзя установить, так как грим будто бы не смывается – он плотно осел на клетках кожи. Шкафы были заполнены в основном женской одеждой. Из мужского был лишь театральный костюм Пьеро, в котором убийца предположительно выслеживал де-

вушек, убивал их, расчленял, надевал на них парики, дабы создать образ Мальвины, а потом фотографировал их и сохранял фото на ноутбук. Все мысли он выкладывал в личный блог. Его мы привели выше. Дело до сих пор очень запутанно, поэтому поиск убийцы будет продолжен.

Парикмахерская Мидори

Соне Мясниковой, которая смогла прийти на выручку
и помочь в минуту тяжёлой невзгоды.

Знай
и французский
и английский бокс,
но не для того,
чтоб скулу
сворачивать вбок,
а для того,
чтоб, не боясь
ни штыков, ни пуль,
одному
обезоружить
целый патруль.

Владимир Маяковский

I

На Невском обосновалась одна маленькая парикмахерская. Зелёная такая. И вывеска у неё горела ярким зелёным неонам, слабо освещая ночной Петербург. Все вывески были выдержаны в каком-то едином стиле, а эта вот была особенной. В зелёном кругу красовался иероглиф, который можно прочесть, как «мидори», и означает он, собственно зелёный цвет. Да, неоригинально, но хотя бы интересно и более чем интригующе. Никогда подростки, а тем более подростки с окрашенными волосами не проходили мимо этой странненькой парикмахерской. Обычно после стрижки они отправлялись в кафе «Dead Poets», где запивали свою «горечь обид». Ох уж эта молодёжь! Высокомерна до беспамятства! А девушки, выходящие из этой парикмахерской, чаще всего с зелёными волосами, за их счёт становились красивее раз в сто, ибо почему-то Мидори могла находить тот самый оттенок зелёного, подходящий определённому человеку. Стоп! А кто такая Мидори? Это – хозяйка этого заведения, которая подрабатывает иногда здесь обычной парикмахершей. Несмотря на своё имя, из зелёного у неё были лишь глаза. Чёрные, словно угольный кокс, волосы всегда собирались в высокий хвост и опускались до половины худенькой спины. А эта спина! Великая вещь! Чтоб казаться больше, она надёргивала на себя всё больше и больше ве-

щей, затмевая себя. Вспомню лишь чёрную футболку с какой-то заезженной фразой про отношения, да чёрно-белую рубашку в клетку. Остальные вещи не столь важны, отчего заикливаться на них не желаю. Перстней она не носила, как, собственно, и цепей, разве что крестик православный можно было изредка видеть на её ключицах, когда та решала пробежаться по Невскому вдоль и поперёк. Ой, сколько взглядов на неё тогда падало! Хотя и груди-то её и не было видно, видимо, люди с Невского сразу смотрели в душу, а там-то – рог изобилия! Как понятно из имени, она была японкой. Но как же японка оказалась на Невском? Родители её, зажиточные богачи, не хотели тратить состояние на ребёнка, который плохо учился в школе, а потом ещё и хвастался этим перед сверстниками. Отец думал отправить Мидори в Северную Корею, но не захотел, чтоб девочка видела себе подобных, поэтому было решено депортировать её в Россию вместе с её парнем Гурином. Санкт-Петербург она сама хотела давно посетить, но никак случая не выдавалось, а тут сама судьба её по голове погладила и швырнула в неведомую Россию. А идея основать парикмахерскую ей пришла, как только она увидела подростков Питера – почти поголовно все носят длинные чёлки, либо хотя гоголевское каре, но ни у кого не выходит. Вот она заняла денег в банке, открыла парикмахерскую – как раз а тот день «съезжала» с помещения пышечная. А пышечная занимала огромное помещение. Здесь она и решила открыть парикмахерскую имени

самой себя – парикмахерскую Мидори. Клиенты потихоньку начинали сами к ней ходить, и даже не требовалось большого количества той самой навязчивой питерской рекламы. Но, как известно, человеку всегда всего мало. Так случилось и с Мидори. Ей безумно надоело стричь девушек лёгкого поведения! Как же они её бесили! Их она не почитала за людей. А ведь именно они помогли ей сколотить деньги на парикмахерском бизнесе. Из-за них пошла дурная слава о заведении Мидори. Люди проходили мимо этой яркой зелёной вывески, думали, мол, подстригается очередная Лола или Афродита, а после брезговали. В Петербурге на каждом столбе висят эти разноцветные листочки с надписями «Отдых», «Любовь», «Страсть» и т. д. На бумажках этих ещё бывают зачастую имена и один и тот же номер телефона везде. Своими руками Мидори сдирала их, оставляя на их месте остатки былых фантазий тех толстых господ, что ходят под ручку с лысыми чёрными бугаями, а после садятся в свой чёрный бронированный внедорожник и уносятся вдаль с очередной Лили. И именно это сподвигло её на ужасную вещь, про которую я собираюсь поведать позже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.